

0073

ЦЕНТРПОЛИГРАФ

HARLEQUIN®

Энни Уэст

СКАНДАЛЬНАЯ СВЯЗЬ КОРОЛЯ

Подари себе мечту

ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Любовный роман – Harlequin

Энни Уэст

Скандальная связь короля

«Центрполиграф»

Уэст Э.

Скандальная связь короля / Э. Уэст — «Центрполиграф»,
— (Любовный роман – Harlequin)

Они встретились в пустыне – простая девушка, дочь врача, и будущий король.
Именно там, в пустыне, и родилась их любовь....

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Энни Уэст

Скандальная связь короля

Глава 1

Принц Тахир аль-Рамис оглядел игорный стол и глазающую на него толпу, нетерпеливо ждущую его следующего шага.

– Делайте ваши ставки, дамы и господа!

После этих слов крупье принц задержался взглядом на большой горке фишек, выигранных за прошедший час. Официант подал очередную бутылку шампанского. Кивнув, Тахир повернулся к женщине, столь страстно прижимавшейся к нему. Белокурая, красивая, податливая... Она привлекла всеобщее внимание сразу, как только они вошли в роскошное старинное казино в Монте-Карло.

Вот женщина пошевелилась, и ее бриллиантовое кольцо стоимостью в целое состояние, ниспадающее на великолепную грудь, сверкнуло в мягком отблеске приглушенного света. А это ошеломляющее вечернее платье, расшитое серебряными нитями, – демонстрация роскоши и мастерства высококлассных кутюрье!

Женщина одарила его чувственной, страстной улыбкой, которой Тахир привык удостаиваться с юности.

Он вручил ей бокал с самым изысканным французским шампанским и откинулся на спинку стула, наконец поняв, что именно его терзает весь вечер.

Ему было скучно.

В прошлый раз Монте-Карло наскучил Тахиру через два дня. На этот раз – он только приехал сюда...

– Последняя ставка, дамы и господа!

Сдержав вздох, Тахир посмотрел в глаза крупье.

– На четырнадцатое, – сказал он по-французски.

Крупье кивнул и поставил фишки Тахира на указанное число. Толпа наблюдателей дружно ахнула. Игроки в конце стола поспешили поставить на то же число, что и Тахир.

– Четырнадцатое? – Блондинка округлила глаза. – Ты все поставил на одно число?

Пожав плечами, Тахир поднял бокал, увидев мельком, как едва заметно вздрогнула его рука, взбудоражив содержимое бокала.

Когда он в последний раз ложился спать: два дня назад или три? В Нью-Йорке Тахир наконец заключил сделку с медиакомпанией и остался на вечеринку. Потом был Тунис и участие в гонках на вездеходах, затем последовали деловые переговоры в Осло и Москве, далее – путешествие на круизном лайнере.

Тахир старался найти хоть какой-нибудь интерес в жизни, но тщетно.

Претенциозным жестом крупье запустил колесо рулетки.

Изящные пальцы блондинки впились в колено Тахира. Дыхание его спутницы участилось, ее рука поползла по его ляжке. Неужели игра для нее столь возбуждающее занятие?

Он почти завидовал ей. Тахир знал, что, даже если она разденется догола и отдастся ему здесь и сейчас, в присутствии игроков, он не испытает ни желания, ни волнения.

Ничего.

Она одарила его жеманно-угодливой улыбкой и прильнула к нему, прижавшись грудью к предплечью.

Как ее зовут: Эльза или Эрика? Совсем вылетело из головы. То ли женщина не слишком ему интересна, то ли память начинает его подводить.

Тахир усмехнулся. К сожалению, память у него по-прежнему отменная. Кое-что ему никогда не забыть, хотя он и очень старается.

Элизабет. Вот как ее зовут! Элизабет Каролин Росвита, графиня фон Маркбург.

Настойчивые аплодисменты оторвали Тахира от размышлений. Он ощутил мягкие объятия, когда графиня фон Маркбург от возбуждения почти залезла ему на колени. Мягкие губы коснулись его щеки и рта.

– Ты снова выиграл, Тахир! – Она отодвинулась назад, ее глаза блестели от волнения. – Разве не изумительно?

Он изогнул губы в подобии улыбки и поднял бокал.

Как давно он перестал радоваться простым событиям? Его больше не прельщают азартные игры. Деловые сделки? Иногда. Экстремальные виды спорта? По меньшей мере, он ощущает прилив адреналина в кровь, когда занимается ими.

Секс?

Тахир наблюдал за подошедшей к нему темноволосой соблазнительницей. Она носила длинные рубиновые серьги, касающиеся ее обнаженных плеч. Ее платье отличается чрезмерной откровенностью.

Но при виде ее Тахир не почувствовал ровным счетом ни-че-го.

Она остановилась рядом с ним и наклонилась, представляя его взору обнаженную грудь, живот.

– Тахир, дорогой, я жду тебя вечность.

Она разомкнула губы у его рта и обвела языком контур его губ. Однако Тахир был не в настроении...

Да, он устал от жизни.

Внезапно на него нахлынула усталость.

Тахир резко отпрянул от женщины, прерывая ее жадный поцелуй. Всего несколько месяцев назад он был с ней в Буэнос-Айресе, но казалось, с тех пор прошла вечность...

– Элизабет? – Он повернулся к блондинке: – Позволь познакомить тебя с Наташей Люн. Наташа, это Элизабет фон Маркбург.

Он кивнул официанту, который принес еще один бокал для шампанского.

– Ах, это моя любимая марка шампанского! – промурлыкала Наташа, подходя ближе к Тахиру, ногой касаясь его ляжки. – Спасибо.

Поверх ее плеча Тахир увидел бесстрастный взгляд крупье.

– Господа, делайте ваши ставки, пожалуйста!

– На четырнадцатое, – тихо сказал Тахир по-французски.

– Четырнадцатое? – изумился крупье.

– Да, месье.

– Снова на четырнадцатое? – взвизгнула Элизабет. – Но ты все проиграешь! Невозможно, чтобы дважды выпало на одно и то же число.

Тахир пожал плечами и вытащил из кармана тихо звонящий мобильный телефон.

– Тогда я проиграю.

Увидев выражение ужаса на ее лице, он едва сдержал улыбку. Посмотрев на дисплей телефона, он не узнал номер звонящего и нахмурился. Личный номер мобильного телефона Тахира был известен только адвокату и пользующимся его максимальным доверием брокерам.

– Алло?

– Тахир?

Даже спустя много лет он узнал голос. Тахир поднялся, освобождаясь от словно прилипших к нему женщин:

– Кариф...

Только очень важное событие заставило бы старшего брата позвонить ему. Отвернувшись от игорного стола, Тахир жестом приказал своим спутникам оставаться на своих местах. Толпа расступилась, когда он направился из зала в укромный уголок.

– Вот так сюрприз, – пробормотал Тахир. – Чему я обязан такой радостью?

Молчание было таким долгим, что у Тахира стало покалывать затылок.

– Я хочу, чтобы ты вернулся домой. – Голос Карифа звучал, как обычно, спокойно.

– У меня больше нет дома. Забыл?

В глубине души Тахир пожалел, что напомнил Карифу о старой обиде. Кариф не повинен в его прошлых несчастьях.

– Теперь есть, – возразил тот.

Что-то в тоне брата насторожило Тахира.

– Наш досточтимый отец имеет иное мнение.

– Наш отец умер.

Новость прогреготала в мозгу Тахира, как раскат грома.

Жестокий человек, тиранивший не только свою семью, но и страну, он ушел навсегда. Лицемер, изменявший своей жене с шлюхами и любовницами, наконец-то больше не будет причинять боль Ришане.

Он изгнал из страны своего младшего сына Тахира, который никогда не мог ему угодить. В детстве Тахир задавался вопросом: за что отец так ненавидит его? И вот уже долгие годы ему было наплевать на отношение отца к нему.

Тахир повернулся и посмотрел на толпу любителей ночных развлечений. Перед его мысленным взором появились налитые кровью глаза Ясана аль-Рамиса, его ошестинившиеся усы, покрытые слюной, когда он напыщенно разглагольствовал, его сжатые от ярости кулаки...

Несомненно, Тахир должен был что-то почувствовать, узнав о смерти отца-негодяя. Неужели даже спустя одиннадцать лет после изгнания эта новость не вызовет в его душе отклика?

Вероятно, ему следует задать брату вопросы.

Когда умер? Как? Разве не такие вопросы задает сын об умершем отце?

– И все же я не горю желанием возвращаться в Кьюзи, – равнодушно сказал Тахир. На родине ему нечего было делать.

– Черт побери, Тахир! Перестань хоть на минуту изображать из себя надменного, бесчувственного типа! Сложилась непростая ситуация. – Кариф помолчал. – Я *хочу* тебя видеть.

От непривычного чувства у Тахира екнуло в животе.

– И что тебе нужно от меня?

Кариф был по-прежнему его любимым братом, которому он до сих пор старался подражать.

– В чем проблема?

– Проблем нет, – натянуто ответил Кариф, – но наш кузен обнаружил, что не имеет законного права управлять Кьюзи. Место на троне займу я. – Он помедлил. – Я хочу, чтобы ты приехал на мою коронацию.

* * *

Тахир медленно шел к игорному столу.

Новости от Карифа оказались важными. Невероятно, что кузен Завиан не может стать наследником трона. Он не приходился родным сыном старому королю и королеве, но был тайно усыновлен после смерти их настоящего сына. Если бы ему об этом сообщил кто-то другой, а не Кариф, Тахир не поверил бы в столь непростую историю.

Однако Кариф никогда не ошибается. Он слишком внимателен и чрезвычайно ответственный. И он станет отличным королем Кьюзи. Таким же королем может стать и другой брат Тахира.

Слава милосердной судьбе, что их отец умер и уже не сможет унаследовать трон! Будучи братом старого короля и лидером солидного клана, он обладал слишком большой властью. Позволить ему управлять нацией – все равно что пустить волка в стадо ягнят!

Кариф сказал, что отец умер от инфаркта. Ничего удивительного. Их отец ни в чем себе не отказывал...

Тахир подошел к игровому столу. Он обратил внимание на свой бокал шампанского, к которому едва притронулся, и двух ожидающих его женщин. Обе явно настроены исполнить сегодня ночью все его прихоти.

Он усмехнулся. Вероятно, в душе он уже старик...

– Тахир! – восторженно взвизгнула Элизабет. – Ты не поверишь! Ты снова выиграл! Невозможно поверить.

Все присутствующие уставились на него. Перед ним на столе высилась куча выигранных фишек. Крупье был бледен.

Женщины с двух сторон прильнули к Тахиру, их глаза сверкали алчностью и волнением.

Тахир передал крупье несколько самых дорогих фишек:

– Это вам.

– Благодарю, месье. – Тот улыбнулся и зажал в руке неожиданное богатство.

Подняв бокал, Тахир неторопливо отпил шампанского, ощущая, как игристое вино стекает с языка в горло. Он почувствовал себя расслабленным и почти счастливым. Наконец-то судьба распорядилась по справедливости. Кариф будет лучшим королем Кьюзи из тех претендентов на престол, кого знал Тахир.

Со стуком поставив бокал на стол, он отвернулся:

– Доброй ночи, Элизабет, Наташа. Боюсь, у меня много дел.

Он сделал несколько шагов, но гул голосов остановил его:

– Погодите! Ваш выигрыш! Вы забыли его.

Тахир повернулся к пристально смотрящим на него людям:

– Оставьте фишки себе. Разделите между собой.

И, не оглядываясь, Тахир направился к выходу, не обращая внимания на рев голосов позади.

Тахир управлял вертолетом на низкой высоте, летя над пустыней Кьюзи, ощущая свободу и полное уединение. Возможно, его воодушевляет бесплодная красота пустыни. На миг он даже забыл о том, что произошло в Кьюзи.

О своей семье. О своем прошлом.

За прошедшие одиннадцать лет Тахир побывал во многих пустынях, начиная с Северной Африки и заканчивая Австралией и Северной Америкой, где участвовал в автомобильных гонках, занимался дельтапланеризмом и бейсджампингом¹, – пытаясь найти наиболее экстремальное занятие. Но нигде не испытывал подобного. И вот сейчас он понял причину своего настроения. Он летел над родными местами, которые считал своим домом первые восемнадцать лет жизни, не надеясь когда-либо вернуться сюда...

Внезапно вертолет накрылся от сильного порыва ветра. Тахир поднял вертолет выше над дюнами. Он знал, что надвигающаяся на небосклон темнота отнюдь не сумерки. Надвигалась сильнейшая песчаная буря, губящая скот, иссушающая и так скудные в этой части земли

¹ Бейсджампинг – прыжки с фиксированных объектов со специальным парашютом. (Примеч. пер.)

водные потоки, уничтожающая дороги. В такую бурю вертолет могло швырять из стороны в сторону, как игрушку, могло унести вихрем и разбить...

Бури не избежать. Приземлиться не удастся. А это значит...

Однако Тахир упорно старался удержать вертолет в равновесии. Машинально он переключил двигатель в экстренный режим работы, хотя понимал, что уже поздно.

Тахир приготовился умирать.

Но он выжил.

Похоже, у судьбы еще остались к нему какие-то претензии. Простая, легкая смерть не для него. Либо он умрет от обезвоживания, либо от мучительной боли, либо от ран...

Тахир раздумывал, открыть ему глаза или по-прежнему лежать в темноте. Однако пульсирующая боль в голове и груди становилась невыносимой. Больно было даже открыть глаза. Проникая через запорошенные песком ресницы, свет ослепил его. Тахир тихо простонал, ощущая жар, песок и металлический привкус крови.

Он смутно припоминал, как сидел в вертолете, пристегнутый к сиденью. Вокруг все заволело пылью, раздалось жуткое завывание ветра, и по вертолету начал хлестать песок. Потом он почувствовал запах керосина, настолько сильный, что стал выбираться из обломков вертолета и уползать от него как можно дальше.

А затем он впал в забытие...

Итак, он выжил, но остался в пустыне один.

С третьего раза Тахиру все-таки удалось присесть, опершись спиной о песчаную дюну и вытянув ноги. Он потел и дрожал, чувствуя себя больше мертвецом, чем живым человеком. Вот только бы не обращать внимания на отупляющую боль в затылке...

Тахир уже начал терять сознание, когда что-то привело его в чувство. Кто-то коснулся его руки. Он осторожно поднял голову.

– Ты мираж, – прошептал Тахир, но слова застряли в воспаленном горле.

Существо почувствовало, что он жив, и уставилось на него золотисто-кариими глазами с темными, горизонтальными зрачками. Тряхнув головой, оно стряхнуло облако пыли с косматой шкуры:

– М-м-мах!

– Миражи не разговаривают, – пробормотал Тахир. И не лижутся. Но этот мираж облизывает его. Тахир закрыл глаза, а когда открыл, маленький козленок еще был перед ним.

Черт побери, ему даже умереть не дадут спокойно!

Козленок боднул его в бедро, и Тахир понял, что в кармане его куртки что-то есть. Медленно, преодолевая боль, он запустил руку в карман и нащупал там бутылку воды, которую машинально схватил, когда вертолет начал падать.

Целую вечность он откупоривал бутылку, потом поднес ее к губам. Самым сложным было сделать всего один глоток. Пить больше было опасно. Сделав второй глоток, Тахир опустил руку, которая казалась неподъемной.

Почувствовав толчок, он открыл глаза и увидел пристроившегося рядом козленка. Во всей необъятной пустыне это существо выбрало местечко рядом с ним.

Заскрежетав зубами, Тахир перенес левую руку направо и налил в ладонь воды:

– Пей!

Козленок спокойно выпил воду.

Тахиру не хватило сил закрыть бутылку с водой, которая выскользнула из его дрожащих рук. От маленького тельца шло тепло – напоминание, что он не одинок. Осознание этого заставило Тахира бороться за жизнь.

Анализа плеснула в лицо водой из старого металлического ковша. Блаженство...

Сильная буря задержала ее поездку в пустыню. Кузены, выражая неодобрение, в один голос заявили, что эта поездка опасна, ведь она может погибнуть. Ну как они не могут понять?!

Всего через шесть месяцев после смерти дедушки, а вскоре и смерти отца у Аннализы были все причины отправиться в пустыню.

Она должна исполнить последнюю просьбу отца.

Приехав сюда утром, Аннализа весь день приводила в порядок фотокамеру и телескоп. Не выдержав жары, она вылила на голову еще один ковшик воды, вся задрожав от приятного ощущения, когда вода потекла по ее волосам, плечам и спине... Еще один ковшик, и вода заструилась по ее груди. Аннализа улыбнулась, наслаждаясь ощущением чистоты. Она подогнула пальцы ног на песчаном дне небольшого бассейна.

Солнце садится, и ей следует поторопиться, чтобы развести костер до наступления темноты.

Она уже собиралась вылезти из воды, когда что-то привлекло ее внимание.

Тень. Нет, это не тень, а человек! Он широкоплеч, в темной одежде. Он шагнул по дюне и позволил песку протащить его на несколько метров вперед. Аннализа машинально взяла полотенце и быстро завернулась в него. Но ее движения замедлились, когда она обратила внимание на странность в его поведении. Мужчина не балансировал при помощи рук, чтобы сохранить равновесие на крутом склоне, его движения были странно нескоординированными.

Несколько мгновений спустя она неслась к незнакомцу. Ее шаги стали медленнее, когда она приблизилась.

У Аннализы перехватило дыхание.

Высокий мужчина, темноволосый, в смокинге и черных кожаных ботинках, медленно скользил к ней по дюне. Его рубашка была разорвана и испачкана, открывая грудь бронзового цвета. У ключицы болтался развязанный галстук-бабочка.

Худое лицо было настолько запорошено песком, что она едва различила его черты. И все же решительный подбородок и высокие скулы говорили о выдающейся мужской красоте. Но больше всего ее зачаровали его глаза – темно-голубые, почти синие. Неожиданный цвет глаз для жителя пустыни.

На виске у него запеклась кровь.

Заметив, как мужчина обхватил сам себя руками, она испугалась. Ранение в грудь? Аннализа знала, как лечить порезы и ссадины. В конце концов, она истинная дочь своего отца. Но до больницы несколько дней пути, а ее медицинские познания не так велики...

Аннализа неуклюже побежала по дюне, крепче прижимая к себе полотенце. Она приблизилась к незнакомцу, когда он покачнулся и упал на колени, шатаясь, словно одурманенный. Протянув руки, он посмотрел на небо сквозь спутанные темные волосы.

– Вот, милый, – прошептал он хрипло и нечленораздельно, будто язык отказывался слушаться его.

Аннализа наклонилась к нему, чтобы расслышать.

– Осторожно.

Он резко уронил руки. Какое-то маленькое лохматое существо выкатилось вперед, когда незнакомец качнулся в сторону и безжизненно упал к ногам Аннализы.

Глава 2

Присев на корточки, Аннализа дрожащими пальцами заправила прядь волос за ухо. Ее сердце по-прежнему бешено колотилось.

Быстро осмотрев незнакомца, она решила перетащить его в свой лагерь.

Потребовался час упорного труда, а еще вся ее изобретательность, чтобы оттащить мужчину вниз, в лагерь, на самодельных носилках. Больше всего ужасало то, что он не шевелился и казался мертвым.

– Не смей умирать! – пригрозила она мужчине, проверяя его слабый пульс, и начала промывать рану на его виске.

Раны на голове сильно кровоточили. Вероятно, все было не так плохо, но Аннализа продолжала бормотать молитвы и просьбы на смеси арабского, датского и английского языков. Так всегда поступал ее отец, когда оказывался в безнадёжной ситуации.

Привычные слова успокоили ее, прибавили уверенности, хотя она понимала, что это иллюзия. Если ее пациент выживет, произойдет чудо.

– Все в порядке, – слышался его шепот. – Я знаю, что не выживу.

Глаза мужчины были по-прежнему закрыты, но Аннализа увидела, как двигаются его окровавленные, потрескавшиеся губы, и поняла, что ей не показалось...

В ней проснулась надежда, а на смену страху пришла злость.

– Не дури! Конечно, ты выживешь! – резко запротестовала она.

Через мгновение его губы задвигались снова, на этот раз они изогнулись, словно в усмешке.

– Как скажешь, – едва слышно прошептал он. – Но если ошибешься, не бойся. – Он прерывисто вздохнул. – Я совсем не против...

А затем он умолк и застыл, не подавая никаких признаков жизни. В слабом свете лампы Аннализа не могла разглядеть, дышит он или нет. Но, пощупав его пульс, с облегчением вздохнула. Мужчина просто потерял сознание. Это к лучшему. Так он не почувствует боли, пока она обрабатывает его раны.

Кто он? Почему говорит на английском? И что делает одинокий иностранец в пустыне Кьюзи, одетый как слащавая кинозвезда?

* * *

Болело все. Особенно голова. Губы и горло саднили так, что, когда Тахир пытался сглотнуть, ему казалось, что в мускулы впиваются осколки стекла. Тело не слушалось его.

«Неужели на этот раз старик зашел так далеко?» – рассеянно подумал Тахир.

Он не стал даже пытаться оглядеть то место, где находился, инстинктивно зная, что в таком случае боль станет просто невыносимой. Прямо сейчас ему не удастся притвориться, что он ничего не чувствует.

Когда в детстве отец наказывал Тахира, тот всегда держался на чувстве гордости и изображал притворную беззаботность. Мальчик спокойно смотрел в глаза старика, отказываясь просить о пощаде. Это приводило его мучителя в бешенство и лишало удовольствия, которое он получал, избивая собственного сына.

Вне зависимости от того, сколько длилась порка и насколько ужасной она была, Тахир никогда не просил о пощаде. Он ни разу не вскрикнул и не вздрогнул. Даже когда Ясан аль-Рамис привел с собой головорезов, чтобы те разделались с Тахиром, он не сдался.

Тахир даже испытал своеобразный триумф. Небольшая компенсация за непонимание, почему Ясан ненавидит его. Именно она дала Тахиру возможность сосредоточиться хоть на чем-то, а не сойти с ума, отыскивая причину отцовской ненависти.

Тахир прерывисто вздохнул, почувствовав напряжение в груди и боль сбоку. Перелом ребер?

Что-то коснулось его шеи. Прикосновение было таким легким, что на миг его затуманенный мозг отказался реагировать. Вот снова... Что-то прохладное и мокрое коснулось его подбородка, шеи и груди. Послышался плеск воды, и что-то холодное и мокрое легло на его пульсирующий от боли лоб.

Он сдержал стон искреннего удовольствия. Прохлада облегчила боль в голове. Неужели это новый мучитель, нанятый отцом? Небольшая отсрочка перед новым избиением?

– Уходи, – беззвучно зашевелил он губами.

И снова нежное, мокрое прикосновение к его щеке – с такой нежностью, что он едва не сошел с ума. Никогда прежде Тахир не ощущал себя таким слабым. Его кожу жгло и покалывало, будто от тысяч укусов, и все же прохладная влага давала ему возможность вздохнуть. Внезапно пошевелившись, он почувствовал, как его тело пронзила ужасная боль.

– Уходи...

– Ты очнулся, – слышался успокаивающий шепот.

Тахир подумал, что не смог бы забыть женщину с таким низким, приятным голосом с чувственной хрипотцой...

Кто это? Вероятно, очередная любовница его отца. Принц Ясан аль-Рамис придумал для непокорного сына новую пытку. Что может быть лучше мягких прикосновений женщины?..

– Оставь меня, – приказал Тахир, но, к его стыду, из горла вырвался лишь хриплый шепот, почти всхлипывание.

– Ну-ка. – Сильная рука скользнула под его плечо, затем под голову, слегка ее приподнимая. Голова закружилась. – Я знаю, что тебе больно, но ты должен попить.

И Тахир ощутил на губах прохладную воду. Он погрузился в забытие, глотая драгоценную влагу.

Но вскоре воду убрали. Тогда он разомкнул губы, чтобы попросить еще воды, презрев гордость. Но женщина заговорила, успокаивая его:

– Терпение. Скоро получишь еще. – Она наклонилась ближе, и он ощутил тепло ее тела. От нее пахло медом диких пчел, корицей и женской плотью, дразня его обоняние и вызывая невольное желание. – У тебя обезвоживание. Тебе нужна вода, но я буду давать ее постепенно.

– Когда он вернется?

– Он? – резко переспросила она. – Здесь только я и ты.

Слушая ее хриплый, чувственный голос, Тахир едва сдержал стон отчаяния. Он не выдержит женских обещаний и прикосновений нежных рук! Проклятый отец наконец нашел способ сломить его. Эта женщина лишила его воли, чего не удавалось сделать побоями и порками.

– Скажи, – он попытался приподняться, но был так слаб, что поддался, когда она, оставившая, прикоснулась ладонью к его обнаженной груди, – когда он вернется?

– Кто? С тобой кто-нибудь был в пустыне? – настойчиво спросила она.

– Пустыня? – Тахир помедлил и нахмурился, пытаясь вспомнить.

Принц Ясан аль-Рамис слишком любил роскошь, чтобы проводить время в пустыне, хотя всего предки жили в пустыне.

Женщина пытается запутать его!

– Где мой отец? – прошептал он сквозь стиснутые зубы, когда боль стала невыносимой.

– Я сказала, что здесь нет никого, кроме нас.

– Пусть меня забили до потери сознания, но я не дурак. – Он поднял руку и взял ее за запястье.

Женщина была молодой, ее кожа – мягкой и гладкой. Он почувствовал биение ее пульса и услышал, как она затаила дыхание.

– Кто-то избил тебя? Я думала, ты попал в крушение.

Наконец открыв глаза, Тахир долго вглядывался в пространство перед собой, пока не увидел бледное и красивое лицо женщины. Аккуратный прямой нос, губы бантиком, обещающие истинное наслаждение. Его сердце забилося чаще. Несмотря на боль, он почувствовал возбуждение, когда женщина нервно облизнула верхнюю губу.

Резкая линия подбородка намекала на ее сильный характер и решительность, что сразу же понравилось Тахиру. А ее глаза... Он был готов утонуть в этих роскошных светло-карих глазах, которые смотрели бесхитростно, смело и... соблазнительно.

Ее лицо обрамляли блестящие темные мягкие локоны, выбившиеся из прически. Женщина выглядела свежей, она была без макияжа. Вот она моргнула и округлила глаза, встретившись с ним взглядом, потом опустила ресницы.

Эта женщина была воплощением невинной соблазнительницы.

Будь у Тахира больше сил, он заплодировал бы выбору отца. Откуда старик узнал, что образ невинности усмирят его сына быстрее уловок опытной женщины?

Выражение лица незнакомки было спокойным, но учащенный пульс выдавал ее волнение. Бойся ли она его отца? Пришла ли сюда по принуждению?

Тахир скривился, подыскивая слова, чтобы расспросить ее. Но, теряя силы, он закрыл глаза и отпустил запястье женщины:

– Уходи! Пока он и тебя не обидел.

– Кто? О ком ты говоришь?

– О моем отце, конечно. – От нахлынувшей боли Тахир потерял сознание.

Аннализа прилегла на подушку. Ее колотило от ужаса.

Смотреть в эти удивительные голубые глаза было все равно что слишком долго пялиться на солнце. Даже звук его грудного голоса, едва слышимый шепот, слетавший с его растрескавшихся губ, вызывали в ней трепет. Она запоздало оглядела лагерь, догорающий костер и взглянула в сторону дюн, откуда появился этот человек.

На него напали? Если так, то это был кто-то неизвестный ему или его отец, как он говорит. Или у него разыгралось воображение после ранений головы? Помимо разбитого виска Аннализа обнаружила на его затылке шишку размером с голубиное яйцо.

Несколько часов подряд она проверяла состояние его зрачков. Получил ли он кровоизлияние в мозг? Караван верблюдов вернется только через несколько дней, а телекоммуникаций в этом отдаленном районе нет...

По ее спине побежал холодок от страха, и она вздрогнула. Всю ночь Аннализа твердила себе, что справится, давая незнакомцу питье и обтирая его прохладной водой.

Теперь ее беспокойство усилилось.

Поднявшись на ноги, она покопалась в своих вещах и достала старинный пистолет, принадлежавший отцу ее матери. Та подарила его отцу Аннализы в день их свадьбы. Традиционный подарок для человека, чтущего традиции. Все мужчины Кьюзи умеют стрелять, ездить верхом, а многие состязаются в стрельбе из лука и занимаются соколиной охотой.

Отец Аннализы никогда не применял оружие. Уважаемому доктору, ему ни разу не пришлось защищать себя или свою семью. Но, держа пистолет в руке, Аннализа почувствовала себя увереннее. Она взяла его сюда из сентиментальных соображений, вспоминая, как отец брал пистолет в дальние поездки. И снова ее охватило ощущение ужасного одиночества, лишая покоя...

А вдруг с этим незнакомцем был кто-то еще и тот человек потерялся, ранен, отчаялся? Она прикусила губу, понимая, что не может отправиться на поиски. Покинув лагерь, она оставит своего пациента одного и тем самым обрекает его на гибель.

Аннализа вернулась к мужчине. Температура у него по-прежнему была очень высокой. Несмотря на царапины и ссадины на лице, темно-лиловые круги под глазами и рану на виске, он был красивым мужчиной. Темная щетина подчеркивала правильные черты худого лица. Даже его руки – большие, сильные и мощные – почему-то казались ей привлекательными.

Она вспомнила прикосновение его пальцев к своему запястью и удивилась тем ощущениям, которые испытала.

Ее взгляд скользнул по его обнаженной груди. Она сняла с него рубашку, чтобы обмыть раны и охладить тело.

В теплом свете лампы незнакомец выглядел красавцем, несмотря на кровоподтеки, покрывающие его золотистую кожу. Его грудь была широкой и мускулистой, но не казалась надутой, как у киношных героев. Его скрытая сила выглядела естественной, что ничуть не уменьшало ее достоинств. Даже черный пушок на его груди показался ей привлекательным. Аннализе захотелось прикоснуться к нему ладонью и узнать, мягкий или жесткий он на ощупь...

Она посмотрела на узкую полоску волос, спускающуюся на его живот. Ее сердце вдруг забилося чаще, жар прилил к щекам. Она застыдилась, поняв, что, как девчонка, глазееет на красавца мужчину.

Решительно отжав мокрый бинт, она вздохнула и стала обтирать незнакомца. Она старалась не обращать внимания на то, как дрожит ее рука, обводя контуры его тела; как у нее схватило живот, когда она поняла, что незнакомец, даже без сознания, выглядит намного мужественнее и привлекательнее любого известного ей мужчины.

Тахир проснулся. На этот раз пульсирующая головная боль чуть утихла.

Его губы изогнулись в унылой усмешке, которая больше походила на гримасу на спекшихся, исцарапанных губах. Пошевелившись, Тахир чуть приоткрыл глаза. Он не увидел ни тьмы, ни яркого дневного света. Свет, проникающий сквозь его ресницы, был зеленоватым и приглушенным.

Он уловил мягкое дуновение ветра, глубоко вдохнул и почувствовал неповторимый запах воздуха Кыюзи. Жара, песок и едва различимый оттенок пряного аромата, который ему никогда не удавалось определить.

– Значит, я не умер, – хрипло произнес он.

– Нет, ты не умер.

Его мускулы напряглись, когда он услышал этот голос. Мягкий, грудной, чуть хрипловатый. Голос соблазнительницы, перед которой не устоит мужчина...

Она заговорила снова:

– Похоже, ты не слишком рад этому.

Тахир пожал плечами и тут же замер, ощутив резкую боль.

– Откуда зеленый свет? Где мы? – Он не поворачивал головы, предпочитая не видеть лица обладательницы такого голоса, чтобы не потерять самоконтроль.

– Мы в оазисе Даршор, в центре пустыни Кыюзи. – Ее голос походил на журчание воды, которая словно стекала по нему, и на миг его затуманенный мозг отключился.

Но вот до него дошел смысл ее слов.

– Пустыня? – Тахир резко повернул голову и зажмурился от яростной, нестерпимой боли.

– Верно. Свет зеленый потому, что ты у меня в палатке.

«Палатка». «В пустыне». Ее слова кружились в его мозгу, но казались бессмысленными.

– Мой отец...

– Его здесь нет. – Она прервала его, не дав ему сформировать мысль. – Ты думал, что он тоже здесь, но ты что-то перепутал. Ты был... очень встревожен.

Тахир нахмурился. Что за бессмыслица! Его отец живет в городе, где имеется легкий доступ к женщинам, азартным играм, брокерским сделкам и коррупционным аферам.

– Ты считал, что тебя избили.

Тахир тут же замер. Он никогда не признался бы в этом, особенно незнакомому человеку! Даже близким друзьям.

Кто эта женщина?

Он снова заставил себя открыть глаза и утонул в теплой глубине ее светло-карих глаз. При дневном свете она оказалась еще привлекательнее, чем ему представлялось. Насколько Тахир помнил, он уже думал об этой женщине. Или она ему приснилась?

– Кто ты? – Он мельком увидел ее тщательно зачесанные назад волосы, отсутствие украшений, желтую рубашку с длинными рукавами и хлопчатобумажные бежевые брюки. Она одета не как местные женщины. Хотя разве только местные жители могут находиться в пустыне?

Вот женщина пошевелилась, и он заметил, как ткань плотно облегает ее изящные бедра. Мгновение спустя она уселась на пол рядом с ним, и он почувствовал едва уловимый аромат. Когда она наклонилась к нему, ткань ее рубашки натянулась, подчеркивая грудь.

Тахир заволновался. Похоже, он пока еще жив.

– Меня зовут Аннализа Хансен. – Она умолкла, словно ожидая его реакции. – Несколько дней назад ты попал в мой лагерь. Просто вышел из пустыни.

– Несколько дней назад?..

– Ты ранен. – Она указала рукой на его голову и бок. – Полагаю, в пустыне ты провел недолго. Когда ты оказался у меня, то был сильно обезвожен. – Она коснулась ладонью его брови. Прикосновение было прохладным и удивительно знакомым.

Тахир смутно помнил, как она прикасалась к нему ранее. Помнил о благословенной влаге и ее успокаивающих словах.

– Ты постоянно терял сознание. – Женщина отклонилась назад, убирая руку, и Тахир испытал странное желание, чтобы она вновь к нему прикоснулась. – Твой маленький друг волновался.

– Маленький друг? – Он машинально оглядел палатку.

– Не помнишь? – Она серьезно взглянула на него.

– Нет. – Тахир вовремя вспомнил, что нельзя качать головой. – Не помню.

– Не волнуйся. Ты просто сильно ударился головой, поэтому на время будешь путаться в мыслях.

– Расскажи, – тихо произнес он, стараясь унять беспокойство по поводу потерянной памяти. Тахир помнил казино и женщину, которая почти уселась к нему на колени, когда он выиграл. Он помнил яхту на переполненной пристани, вечеринку в городском пентхаусе, совещание в тихом зале заседаний. Однако лица виделись ему теперь смутно, детали были нечеткими. – Что за маленький друг?

– Ты нес козленка.

– Кого?!

Она усмехнулась и очаровательно наклонила голову, в ее карих глазах заплясали веселые огоньки.

– Маленького козленка. Должно быть, это твой друг. Он бродил в поисках пищи, но вернулся и уснул у палатки.

Козленок? Тахир ничего не помнил.

– Что еще? – тихо спросил он.

Аннализа пожала плечами, и он уловил в ее взгляде то ли печаль, то ли страх.

– Больше ничего. Ты ведь только появился. – Она молчала, но он ничего не сказал. – Так, может быть, ты мне что-нибудь расскажешь? – Она подняла руку и нервно потянула мочку уха. – Кто ты?

– Меня зовут Тахир...

– И?... – ободряюще кивнула она.

На него нахлынуло ощущение, будто он рухнул в лифте вниз. Кровь прилила к ушам, когда он встретился с ней взглядом. Калейдоскоп расплывчатых образов проплыл в его мозгу в небытие...

– И... боюсь, это все, что я могу тебе сказать. – Он вымученно улыбнулся. – Похоже, я потерял память.

Глава 3

Аннализа увидела мимолетный шок в глазах Тахира, который он тут же спрятал. Ей хотелось утешить мужчину, но она сдержалась, инстинктивно зная, что он отвергнет ее.

За свои двадцать пять лет Аннализа повидала достаточно. Помогая отцу-доктору, она видела последствия несчастных случаев и болезней, знала, как боль или страх ломают человеческую волю. И все же этот раненый человек, испытывающий ужасающую боль, улыбался ей со спокойным безразличием. Словно он один из приятелей ее отца и они ведут беседу за чашкой сладкого чая в его кабинете. Только ни один из отцовских друзей не похож на Тахира и не пробуждает в ней таких трепетных чувств...

Аннализа вспомнила Тоби, который должен был стать ее мужем... Но то чувство не пришло к ней так внезапно и не было таким сильным.

Было в Тахире нечто, что резко выделяло его на фоне остальных людей. Что это? Какая-то внутренняя сила, когда он с насмешкой смотрел на нее потрясающими темно-голубыми глазами, игнорируя невысказанный страх перед тем, что навсегда потерял память?

«Он пришел из другого мира. Этому миру ты никогда не будешь принадлежать», – произнес кто-то на ушко Аннализе.

Внезапно ее охватила паника. А какому миру она принадлежит?

Всю жизнь она ощущала себя изгоем. Живя в Кьюзи, Аннализа вела жизнь отличную от жизни женщин этой страны. Она балансировала между двумя мирами, не принадлежа ни одному. Она была частью отцовского мира, его доверенным лицом. Но отец умер, оставил ее одну...

– Что произошло? – Низкий голос Тахира вырвал ее из грустных размышлений. – Ты в порядке?

Аннализа благодарно улыбнулась. Этот мужчина лежит весь в синяках, едва живой, потеряв память, но все равно беспокоится – *о ней*...

Она коснулась его руки, успокаивая. Мускулы Тахира напряглись, а его тепло словно перетекло в кончики ее пальцев и ладонь. Возникло напряжение, когда она посмотрела в его глаза. Беспечная улыбка Тахира померкла, он нахмурился.

– Ничего не произошло, – оживленно сказала Аннализа, убирая руку. От прикосновения ее ладонь покалывало. – То, что у тебя затуманена память, это нормально. Со временем она вернется. – Она изогнула губы в улыбке, как ей казалось, ободряя. – У тебя две раны на голове. Из-за них ты можешь ничего не помнить... пару дней.

«Но может быть и хуже...»

Аннализа резко отогнала пугающую мысль о том, что Тахир получил более серьезные травмы.

– Ты рассуждаешь как медик.

– Мой отец был доктором. Единственным доктором в регионе. Я много лет помогала ему. – Она отвернулась, ужасаясь тому, что воспоминания и боль снова нахлынули на нее. – У меня нет медицинского образования, но я могу лечить растяжения суставов, лихорадку.

– Почему у меня подозрение, что со мной тебе пришлось заниматься не только этим, Аннализа?

Из его уст ее имя прозвучало непривычно интимно. Она неохотно повернулась к нему и встретила его внимательный взгляд.

– Ты ведь спасла мне жизнь, – пробурчал он.

Аннализа пожала плечами, явно стесняясь его похвалы. Да, она сделала все, что могла, но мужчина по-прежнему в опасности.

– Ты выздоровеешь, дай срок! – Она тут же взмолилась, чтобы так и произошло. – Тебе лишь нужно отдыхать и постараться не волноваться. Я должна проверить твои рефлексy. – Она опустилась на колени на матрас. – Можешь пошевелить ступнями?

Тахир послушно поворачивал лодыжками, поднял одну ногу, затем другую.

– Отлично! – искренне обрадовалась Аннализа. – Теперь я буду держать тебя за ноги. Когда скажу, дерни ногами, договорились?

– Да.

Осторожно положив его пятки себе на колени, она обхватила ладонями его обнаженные лодыжки.

У него были длинные, сильные и красивые ступни. Никогда еще Аннализа не считала ступни сексуально привлекательными. Неужели она теряет самообладание?

– Аннализа?

Его голос вернул ее в реальность. Наклонив голову, она сосредоточилась на том, чему учил ее отец.

– Пошевели ступнями, – сказала она и тут же ощутила ладонями равномерное давление. – Хорошо.

Осторожно положив его ноги на матрас, она передвинулась и наклонилась над ним, чтобы ему не пришлось поворачивать к ней лицо.

– Теперь возьми меня за руки, – весело произнесла она. Нелегко оставаться профессионалом, когда на тебя смотрят не мигая глаза цвета сапфира.

Он поднял вверх большие, покрытые шрамами руки.

Аннализа положила свои руки на его ладони.

– Сжимай, – пробормотала она.

Снова давление обеих его рук было одинаковым. Она облегченно расслабила плечи. Отстранившись назад, попыталась убрать руки, но он переплел свои длинные пальцы с ее пальцами, удерживая на месте.

Сердце Аннализы екнуло, когда их глаза встретились. Она склонялась над обнаженным торсом Тахира. В голубых глазах вспыхнул непонятный, но тревожный огонек. Она ощутила себя слабой, уязвимой, хотя раненым здесь являлся Тахир.

– Что ты проверяешь? – резко спросил он.

– Хочу убедиться, что твои рефлексy в норме. – Она спокойно посмотрела на него в упор, решив не говорить о возможном кровоизлиянии в мозг. – Они в норме. Ты выздоровеешь.

– Хорошо. А сейчас я хочу помыться. Ты сказала, что мы в оазисе?

– Да, но...

– Тогда здесь нет проблем с водой. – Он помедлил. – Мне нужен кто-нибудь из твоих помощников, чтобы подняться.

– Здесь только я. И я не думаю, что тебе можно сейчас купаться.

Его глаза потемнели от любопытства.

– Ты одна?

Она кивнула.

– Ты удивительная женщина, Аннализа Хансен. – Он отпустил ее руки. – И ты часто бываешь в пустыне одна?

Молодая женщина покачала головой:

– Одна я здесь впервые. – Ее голос дрогнул на первом слове, и она резко отвернулась.

Прошло почти шесть месяцев с того дня, как умер ее отец...

И Тахир переменил тему разговора:

– Если бы ты знала, сколько песка я наглотался, не поскупилась бы и помогла мне помыться. – Он оперся на локоть, потом приподнялся.

Не обращая внимания на ее протесты, Тахир решительно стиснул зубы и с трудом встал на колени. Наконец Аннализа сдалась и помогла ему, понимая, что ей его не остановить.

Тахир обзывал себя дураком, сидя в бассейне и позволяя воде омыwać его ноющее тело. Он знал, что не следует двигаться, но и инвалидом быть не хотел.

Жаль, что его мозг не работает как положено. Чем больше Тахир хочет вспомнить, тем сильнее становится головная боль, под стать жгучей боли в ребрах. Отмахнувшись от мысли, что потерял память навсегда, он твердо решил победить физическое недомогание.

Потом он вспомнил добрые карие глаза Аннализы, ее печаль. Несмотря на внешнюю беспечность девушки, он почувствовал ее боль и сильную уязвимость. И ощутил переполняющее желание утешить.

Тахир даже осмелился подняться на ноги.

Идиот! Он чуть не упал. До воды он добрался только благодаря поддержке Аннализы. Теперь он сидит по грудь в воде, в шелковых трусах, и задается вопросом, как доберется до палатки. И сколько времени ему удастся не смотреть на женщину, которая сидит у бассейна и внимательно наблюдает за ним.

Позволив ей раздеть его, он подверг себя иной пытке. Нежные женские руки, неуклюже расстегивающие его брюки, на миг заставили его забыть о боли. При виде того, как она опустилась перед ним на колени, стягивая с него брюки, пока он опирался на ее плечо, Тахир испытал ощущения, недоступные инвалиду.

Потом она вошла в воду, поддерживая его. И конечно, она не обратила внимание на то, что ее брюки и рубашка намокли и теперь плотно облегали тело...

Закрыв глаза, Тахир по-прежнему представлял себе ее кружевной лифчик, придающий чувственным грудям чашевидную форму. Он помнил изящный изгиб ее бедра, узкую полоску трусиков в том месте, где мокрые брюки прилипли к коже...

Во рту у Тахира пересохло, и совсем не из-за жары. Ему следовало скорее вспоминать, кто он такой, а не мечтать об Аннализе! Несмотря на прохладную воду, Тахир почувствовал возбуждение, наблюдая, как она гладит козленка.

Так ли легко возбуждали его другие женщины? Он вспомнил женщину из казино. Расшитое платье, бриллианты. И больше ничего. Ни страсти, ни желания...

Тахир нахмурился. У него возникло смутное предчувствие, что ему следует обеспокоиться своей бурной реакцией на Аннализу Хансен.

Купание в бассейне оказалось огромной ошибкой. Аннализа прикусила губу, когда Тахир что-то пробурчал во сне и угрюмо нахмурил темные брови. Прошедшие несколько часов он провел беспокойно, и она опасалась за его состояние. Оставив телескоп, она присела рядом с Тахиром.

Вот он перевернулся, резко отбросив рукой одеяло и подставляя обнаженную грудь быстро остывающему ночному воздуху.

Аннализа старалась не думать о том, что Тахир спит обнаженным. После бассейна он с трудом добрался до палатки и рухнул на самодельную кровать, стягивая с себя мокрые трусы, совсем не обращая внимания на Аннализу. Она сомневалась, что он вообще осознавал ее присутствие.

– Отец! – прохрипел он, отрывая Аннализу от размышлений.

– Тсс! Все в порядке, Тахир. Ты в безопасности. – Она наклонилась, потрогав его лоб. К счастью, температура его тела была в норме.

Он резко схватил ее за запястье и притянул к себе. Аннализа потеряла равновесие и, чувствуя, что он не отпустит ее, наклонилась над ним.

Тахир продолжал тянуть ее к себе. Возмущенно охнув, она опустилась на него, стараясь не задевать локтями его ребер, а он обхватил ее рукой. Она оказалась в ловушке.

– Это он послал тебя, верно? – тихо прорычал он.

– Никто меня не посылал. – Аннализа попыталась высвободиться из его рук, но он лишь крепче прижал ее к себе.

Ощущая идущий от его напряженных мышц жар, Аннализа замерла. С каждым вздохом она чувствовала прикосновение к его груди, бедрам и мускулистым ляжкам, которые казались стальными.

– Он знал, что делает, черт бы его побрал! – резко и сурово произнес Тахир, и его голос резонировал в ее теле.

Аннализа попробовала не обращать внимания на их близость. Даже в объятиях Тоби, когда он брал ее на руки, она не ощущала такой интимности. Тоби уважал ее целомудрие и обещал ждать. Вот только их светлое совместное будущее так и не наступило...

– Гурия, – пробормотал Тахир, и она ощутила его горячее дыхание. По спине Аннализы пробежала дрожь и распространилась в животе. – Соблазнительница...

Он ослабил объятия и погладил ее по спине. Аннализе так понравилось его прикосновение, что она с трудом сдержалась, чтобы не выгнуться, как ластящаяся кошка.

Тахир взял ее за ягодицы и прижал к себе еще крепче. Почувствовав его сильное возбуждение, она прикусила губу. Он не имеет понятия, что делает!

И кто бы мог подумать, что так приятно прижиматься к мужскому телу?..

– Нельзя... – Он так и не договорил и прекратил ласки.

От прерывистого вдоха его грудь приподнялась, упираясь в груди Аннализы. Аннализа закрыла глаза в надежде совладать с собой и не реагировать на него. Подождав несколько секунд, она попробовала высвободиться из рук Тахира. Он мгновенно прижал ее к себе и замер.

Аннализа подождала десять минут, потом попыталась высвободиться снова, но даже во сне Тахир не желал отпустить ее.

Поняв, что не имеет выбора, она решила ждать, когда Тахир полностью расслабится.

Тахира разбудил луч утреннего света. Он сразу же ощутил знакомую ломоту в мышцах, боль от ранений в теле и разбитой голове.

А еще – сексуальный восторг.

Тахир лежал на боку, обнимая Аннализу. Ее голова лежала на его плече, она подогнула колени, а он прижимался обнаженными ногами к ней сзади.

Не осмеливаясь вздохнуть, Тахир осторожно разжал пальцы и коснулся ее груди. Аннализа была полностью одета. Что бы ни произошло на этом узком матрасе, секса между ними явно не было...

Закрыв глаза, он осознал, насколько сильно возбужден. Аннализа прижималась к нему чувственно-округлыми ягодицами, как будто неосознанно провоцируя.

Тахир почувствовал боль и понял, что слишком сильно стиснул зубы. Медленно выдохнув, он приказал себе пошевелиться. Не следует ему обнимать эту женщину. Но как сильно хочется держать ее в своих объятиях!

Он пролежал несколько долгих минут, напрягшись и не шевелясь. Его ладонь касалась ее груди. Не сдержавшись, он осторожно сжал пальцы вокруг ее напряженного соска.

Разве он из тех, кто пользуется слабостью спящей женщины? Женщины, которая проявляла к нему доброту, а не сексуальную заинтересованность.

Он прерывисто выдохнул, дыханием взъерошив ее распущенные волосы.

Тахир даже не знал, женат ли он. Вдруг у него где-то есть преданная женщина, которая сейчас далеко и беспокоится о нем? Мысль об этом резанула его подобно ледяному стальному

клинку. Несколько мгновений спустя он осторожно отстранился от Аннализы, не желая будить ее.

Когда Аннализа проснулась, солнце стояло высоко.

Она помнила, как крепко обнимал ее Тахир. Поспешно расправив рубашку, она обнаружила, что в палатке его нет. Что ж, это хороший знак. Вероятно, он набрался достаточно сил и может обойтись без ее помощи.

Аннализа увидела Тахира сразу, как только вышла из палатки.

Он сидел, вытянув перед собой ноги, прислонившись спиной к пальме. На нем были брюки, которые она выстирала накануне. Хотя Тахир не был обнажен, как тогда, когда обнимал ее, она вздрогнула от жгучего волнения.

Вспомнив прошлую ночь и быстро усиливающееся влечение к этому человеку, Аннализа испытала чувство вины и смущение. За двадцать пять лет жизни она ни разу не реагировала так ни на одного мужчину!

С обнаженной грудью и босыми ногами, Тахир выглядел диким, несмотря на брюки превосходного пошива, – доказательство того, что он не принадлежит ее кругу. И все же, сидя под золотящим его плечи солнцем, он казался уроженцем этих мест.

Она проследила взглядом за тем, как напряглись мускулы на его груди, когда он наклонился. Аннализа тщетно старалась не обращать внимания на беспокойное еканье в животе – словно она была голодна.

– Держи. – Тахир не заметил ее. Он обращался к маленькому козленку, который пришел с ним в оазис. Козленок пытался дотянуться до тощего зеленого кустика. Тахир протянул руку и пригнул гибкую ветвь, чтобы козленок смог ее достать.

Аннализа впервые видела такого заботливого мужчину. Здесь, в Кьюзи, баловали только призовых лошадей. Несмотря на суровый облик, Тахир оказался добрым человеком.

– Ах, проснулась Спящая красавица! – Его глаза сверкнули из-под прямых темных бровей. Странное сочетание голубых глаз с черными как ночь волосами...

Никогда еще Аннализа не видела такого красивого мужчину. Вот он слабо улыбнулся, и на худой щеке появилась морщинка.

– Надеюсь, тебе не понадобилась моя помощь, – тихо сказала она. – Не могу поверить, что проспала.

– Не можешь? – Он уже улыбался ей во весь рот, и Аннализа вынуждена была ухватиться за край палатки.

Сердце у нее екнуло, а ноги стали ватными. Что с ней происходит?

Всю жизнь Аннализа отличалась рассудительностью, чувством ответственности и сознательностью. Даже собираясь замуж за Тоби, она не теряла голову в присутствии мужчины.

– Из того немногого, что я помню... Ты, наверное, измучилась, ухаживая за мной.

Сморгнув, Аннализа заставила себя отойти от палатки.

Ей кажется, что она покидает безопасную территорию? Но единственное, что ей угрожает, – ее безрассудная реакция на пронизательные голубые глаза Тахира.

– Кстати, я упаковал твой телескоп.

Аннализа быстро повернулась туда, где вчера вечером стоял отцовский телескоп. Местоположение для наблюдения за звездами не было идеальным из-за огней от лагеря, но она не хотела уходить далеко, оставляя Тахира одного.

Она стремительно опустила на колени и расстегнула потертый футляр.

– Спасибо, – тихо сказала она, судорожно вспоминая, закрыла ли линзы. Если ветер усилился и забил линзы песком...

– Все вроде было в порядке, когда я его убирал.

Телескоп действительно не пострадал. Чувствуя облегчение, Аннализа присела на корточки:

– Ты разбираешься в телескопах?

Он пожал плечами:

– Откуда я знаю? – Его ленивая улыбка померкла, и на миг он помрачнел, а взгляд глаз стал ледяным.

– Извини. Я уверена, ты скоро вспомнишь. – Она импульсивно поднялась на ноги, подошла и остановилась рядом с ним, застеснявшись.

– Не сомневаюсь, так и будет. – Непринужденная улыбка противоречила выражению его лица. – Посиди со мной.

Она молча уселась неподалеку от него.

– Я кое-что помню, – произнес Тахир. – Больше, чем прежде.

– Правда? Здорово! Что же ты вспомнил?

Если он и заметил веселость в ее тоне, то ничего не сказал, а только опять пожал плечами.

– Размытые образы... Вечеринка. Много людей, но их лиц не помню. Места, которые мне неизвестны. – Он помолчал. – И песчаная буря, застилающая свет...

Она кивнула:

– Так и было до того, как ты появился около лагеря.

– Помню бесконечную пустыню. – Он не отрываясь смотрел в ее глаза. – И мне интересно, как мы отсюда выберемся и хватит ли у тебя еды, чтобы мы продержались какое-то время?

– Еды полно. – По привычке Аннализа взяла с собой провизии на двоих. – Что до средств передвижения, через оазис пролегает верблюжий караванный путь.

– Скоро он возвращается?

Яркая улыбка Аннализы померкла.

– Не скоро. Через несколько дней. – Она взмолилась, чтобы караван пришел раньше и доставил Тахира в больницу.

– Еще несколько дней? – повторил он. – Или дольше?

Его голос был так взволнован, что Аннализа глотнула воздух.

– Ты и я одни в пустыне.

Она встретила его неясный взгляд, и у нее екнуло в животе. Вздернув подбородок, Аннализа постаралась унять непонятные ей ощущения.

Их близость прошлой ночью все изменила. Впервые за все время его общество показалось ей очень опасным.

Глава 4

Аннализе не о чем было беспокоиться. Даже сейчас, набравшись сил, Тахир не вторгнулся в ее личное пространство. Можно даже сказать, он предпочитал держаться от нее в стороне.

Но почему-то подобное поведение вызвало у нее непонятное сожаление.

Аннализа была вынуждена присматривать за Тахиром. По ее мнению, опасность миновала, но Тахир по-прежнему много спал. Иногда у него резко подскакивала температура. И он так и не вспомнил ничего, кроме разрозненных образов.

Как жаль, что в свое время она не послушалась настойчивых увещаний отца и не выучилась на доктора! Ведь тогда Аннализа знала бы, что делать. Но, хотя она гордилась тем, что работала ассистенткой отца, о медицине не мечтала.

– Как давно ты стала астрономом?

Аннализа резко подняла глаза от костра, на котором готовила еду. Тахир сидел в привычном месте, у пальмы, и при блекнущем свете читал одну из ее книг по астрономии.

Вопрос был вполне невинным, но произвел на Аннализу такое впечатление, будто Тахир впервые спросил ее о чем-то личном. Прежде он расспрашивал ее только о пустыне и Кьюзи. Ей нравились их беседы и его острый ум. О себе Аннализа говорить не привыкла.

– Я не астроном. Мой отец был астрономом-любителем. И я выросла, смотря на звезды.

Тахир задумчиво наклонил голову:

– Ты обычно приходила в пустыню с отцом?

Она сняла котел с огня:

– Верно.

Их вылазки с отцом были особенными, на них выделялось драгоценное время из напряженного графика работы доктора.

– Но на этот раз он не пошел с тобой?

Аннализа заставила себя сосредоточиться на приготовлении кускуса с орехами, специями и сушеными фруктами.

– Мой отец умер, – резко и почти агрессивно сказала она.

– Я сожалею о твоей потере, Аннализа. – Эти простые слова подействовали словно успокоительный бальзам на ее взвинченные нервы и уж никак не согласовались с тем трепетным волнением, которое она ощущала от его манеры произносить ее имя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.